

УДК 316.74:2(476)

Трансфер западноевропейского философского знания в Беларуси в 1920-е гг. (на примере курсов диалектического материализма)

А. Ю. Дудчик, кандидат философских наук*

В статье анализируется становление курса диалектического материализма на примере материалов учебного курса, читавшегося в 1920-е гг. в Белорусском государственном университете С. Я. Вольфсоном. Выявлено достаточно существенное влияние немецкой философской традиции на становление советского канона диалектического материализма. Это проявилось, в частности, в обращении к структуре и содержанию немецкой университетской философии, прежде всего ее части, связанной с изучением истории философии. Подобное влияние прослеживается не только на уровне рецепции определенных установок, представлений, идей, терминов, но и в общей структуре философских курсов, понимании специфики философского знания, его научных и социальных функций и т. д.

Ключевые слова: С. Я. Вольфсон; диалектический материализм; университетская философия; история философии; трансфер знания.

Transfer of the Western-European Philosophical Knowledge in Belarus in the 1920-s (The Case of Courses in Dialectical Materialism)

A. Dudchik, PhD in Philosophy

The article analyzes the development of the course of dialectical materialism at the case of the course read in 1920-s in Belarusian State University by S. Wolfson. A substantial influence of the German philosophical tradition on the development of the canon of the Soviet dialectical materialism is explicated. It leads, in particular, to the turn to the structure and content of the German university philosophy and especially of its part related to the study of history of philosophy. The influence is represented not only in reception of particular statements, ideas, concepts, but in the general structure of philosophical courses, in general understanding of the essence of philosophical knowledge, of its scientific and social functions etc.

Keywords: S. Wolfson; dialectical materialism; philosophy in University; history of philosophy; knowledge transfer.

История советской философской мысли (равно как и сама советская философия) является важной и весьма актуальной темой, вызывающей достаточно большой интерес и сегодня (см., например, следующие работы: [1], [2], [3]). Часто советская философия критикуется за ее эксплицитно идеологический характер, связанный с социально-политическими обстоятельствами ее возникновения и функционирования. При этом развитие постсоветской философии (прежде всего в России, Украине, Беларуси) обычно представляется как разрыв (по крайней мере частичный) с советской философской традицией (в ее наиболее явных и критикуемых формах). Тем не менее можно предположить, что советская философия как определенный интеллектуальный и культурный феномен не ограничивается строго советским историческим периодом и не исчезает после распада СССР, но

продолжает свое существование (с определенными изменениями) как институционально, так и содержательно. Советскую философию можно понимать как определенный стиль мышления, представления о рациональности, способы аргументации. В подобной форме она вполне успешно продолжает свое существование, оказывая (по меньшей мере, имплицитно) влияние на современные философские практики.

В связи с этим для адекватного понимания постсоветской философской (и, шире, — интеллектуальной) культуры важно обратиться к истокам советской традиции, к раннему периоду, периоду 1920-х гг. В этот период еще не был сформирован достаточно жесткий (и даже догматичный) канон советского философского знания. На фоне подобной вариативности (учитывая и те варианты развития советской философии, которые впо-

* Доцент кафедры философии культуры ФФСН БГУ.

следствии по тем или иным причинам не оказались востребованными) можно лучше рассмотреть определенные особенности советской философской традиции, в том числе ее связь с зарубежными философскими направлениями, в частности, практики рецепции и трансфера не только ряда идей, терминов и концепций, но и общего понимания структуры и содержания философского знания.

Период 1920-х гг. обладает особой значимостью для развития советской философской традиции как таковой как период становления этой традиции. В статье будет осуществлен анализ одного из интересных документов этого периода — учебника по диалектическому материализму, написанному на основе курса лекций, читаемых С. Я. Вольфсоном* (1894—1941) на отделении социальных наук Белорусского государственного университета. Курс был впервые опубликован в 1922 г. и в период с 1922 по 1929 гг. выдержал 7 изданий (каждый из них тиражом в 5000 экземпляров, за исключением последнего, тираж которого составлял 3000 экземпляров).

Важной особенностью советской философской традиции является то, что она выполняла сугубо научные функции. Напротив, подчеркивалось, что весьма важными являются полемические и образовательные функции философии. Подобная ориентация на текущие идеологические дискуссии с их полемическим стилем и образовательные практики, ориентированные на широкую и, как правило, неподготовленную аудиторию, являются существенными для понимания исследуемого периода в развитии советской философии.

На наш взгляд, вполне адекватным для описания анализируемой ситуации будет понятие «канон», которое часто используется для обозначения школьной, «схоластической» (в нейтральном смысле) философии как философского курса учебной направленности (например, в таком значении термин используется У. Шнайдером ([4], [5])). При этом важно иметь в виду, что в период своего становления канон и структурно, и содержательно может отличаться от более поздних, «классических» вариантов (иногда воспринимаемых в качестве марксистской философии как таковой). В отличие от более поздних (однородных) вариантов, ранняя советская философия характеризуется достаточно существенной неоднородно-

стью, заключающейся в том числе в соединении фрагментов достаточно разных философских, научных, идеологических дискурсов**.

Осознаёт Вольфсон и сложности с собственно научным и социальным статусом новой дисциплины (которую он открыто именуется «парвеню, карабкающимся на вершину университетской кафедры» [6, с. 7]). Следует отметить, что задача, стоявшая перед создателями первых курсов советской философии (и Вольфсона в частности), была весьма непростой. От них требовалось (в достаточно сжатые сроки) подготовить относительно компактный и одновременно достаточно простой для восприятия неподготовленной (как в специально философском, так и в более общем плане) аудитории. Курсы должны были отражать марксистское видение философии, науки и идеологии, которые и сами по себе не представляли чего-то стабильного и находились в процессе формирования. Важно отметить, что в этот период не существовало четкого и однозначного различия между двумя основными частями советского философского канона — диалектического материализма и исторического материализма. В частности, сам Вольфсон в предисловии отмечает, что официальным названием его курса является «Марксистская социология» (первоначальное название курса исторического материализма), но название «Диалектический материализм» является более адекватным для него, поскольку в реальности курс сочетает элементы и того и другого. Так, он отмечает, что, несмотря на то что сам курс заявлен в учебных планах как «исторический материализм», «это название является не очень точным, и я предпочитаю ему другое, более адекватное, — диалектический материализм» [6, с. 1]. При этом диалектический материализм рассматривается им как более общая дисциплина: «поэтому понятие исторического материализма является более узким, чем диалектический материализм. Только после рассмотрения основных положений диалектического материализма возможно говорить о приложении этих положений к обществу, т. е. определить материализм исторически» [6, с. 11]. В целом можно сделать вывод, что соотношение двух дисциплин

* В этой статье нами не будут рассматриваться более поздние работы С. Я. Вольфсона, равно как и его неоднозначная роль в трагических событиях репрессий в БССР в 1930-е гг. Мы сосредоточимся на анализе курса диалектического материализма, читавшегося в 1920-е гг.

** Можно отметить, что ситуация становления блока философского и гуманитарного знания в Советском Союзе типологически сходна с ситуацией постсоветской с ее достаточно быстрыми и спонтанными изменениями читаемых курсов, появлением новых дисциплин, методологий и т. д. Отдельно отметим ситуацию «трансфера знания», когда определенные идеи, понятия, подходы, дисциплины и области знания (по преимуществу западного происхождения) перемещались в постсоветское пространство, при этом претерпевая определенные изменения.

(диалектический и исторический материализм) в этот период является достаточно неопределенным. Так, курсы по этим дисциплинам содержат немало общих либо пересекающихся вопросов (например, в курсе диалектического марксизма рассматриваются такие темы, как государство, социальные классы, семья, искусство, которые вполне логично и обоснованно могут быть отнесены к области исторического материализма*).

Важно отметить, что существуют достаточно существенные различия между различными изданиями курса. Так, первое издание (опубликованное в 1922 г.) содержит только две части (в то время как сам курс изначально предполагал наличие трех частей), а более поздние издания содержат новые части и дополнения. Можно было бы предположить, что в более поздних вариантах будет больше материалов по диалектическому материализму (и, соответственно, уменьшено количество материалов по историческому материализму), однако в реальности этого не происходит. Напротив, в более поздних изданиях добавляется все больше материалов, которые могут быть отнесены к области марксистской социологии или исторического материализма (государство, семья, классовая структура общества** и т. д.). Это, в свою очередь, позволяет сделать вывод, что разница между курсами диалектического материализма и исторического материализма была достаточно условной и базировалась, скорее, на предпочтениях авторов курсов, нежели на каких-либо явных критериях (например, таких, как объект исследования либо методология).

Более поздние издания курса содержат предисловия (к каждому из последующих изданий). Они содержат (кроме краткого указания дидактических целей) полемические части, в которых автор уточняет свои взгляды и отвечает на замечания критиков. Эти ответы строятся по достаточно стандартной схеме: изложение развернутых возражений к позиции Вольфсона (обычно приписываемых конкретному оппоненту) с их критическим рассмотрением. При этом само содержание курса является гораздо менее полемическим, и эти предисловия являются наиболее полемической частью текста.

Один из наиболее интересных ответов Вольфсона его критикам затрагивает проблему терми-

нологии, используемой в курсе. Несмотря на критику оппонента (представленного в тексте как «товарищ Горев»), Вольфсон отстаивает необходимость использования гегельянской терминологии (конкретно речь шла о понятии «отрицание отрицания»). Вольфсон настаивает, что это понятие не является метафорой, а обладает научным значением, не являясь сугубо спекулятивным. Ссылаясь на авторитет Ф. Энгельса и Г. Плеханова по этому вопросу, автор заключает, что это «один из наиболее существенных и революционных моментов в марксистской диалектике, применимой не только к идеям, но и к вещам также» [6, IV].

Сам стиль текста сложно назвать строго научным. Так, наравне с философскими аргументами с использованием специальной терминологии в тексте содержится большое количество отсылок к художественным текстам (преимущественно поэтическим — В. Шекспир, А. Пушкин, Н. Некрасов, Г. Гейне и др.) с развернутыми цитатами. Сам Вольфсон (в ходе полемики со своими оппонентами) определяет свою деятельность в качестве популяризаторской, полагая популярность изложения вполне позитивным качеством. При этом автор вполне осознаёт, что подобный курс с неизбежностью будет носить весьма схематичный характер в соответствии со своими задачами введения и ознакомления.

Сам курс содержит достаточно большое количество отсылок к истории философии. Так, блок, посвященный истории материализма, составляет важную часть курса (например, в первом издании он оказывается даже большим по объему, чем вторая часть, посвященная собственно марксистской философии, — 79 и 77 страниц соответственно***). В более поздних изданиях курса Вольфсон всячески подчеркивает значимость истории философии. Так, он отмечает, что часть, посвященная истории философии, «особенно трудна, поскольку анализ развития материалистического мировоззрения означает рассмотрение развития философии как таковой» [6, с. 7]. При этом важность истории философии связывается им с популярностью своей работы (рассматриваемой им как, несомненно, позитивная характеристика****): «бесполезно погружаться в полемическую литературу, не имея ясной исторической перспективы. Представить необходимую историческую перспективу для

* Достаточно интересным представляется сравнение курса Вольфсона по диалектическому материализму и читавшегося в этот же период курса марксистской социологии (впоследствии — исторического материализма) С. Каценбогена.

** Интересно отметить, что тематика курса весьма близка к вопросам, затрагиваемым в гегелевской «Философии права», основанной, как известно, на гегелевском курсе лекций.

*** При этом вторая часть курса, «Марксистская философия», также содержит историко-философские материалы, посвященные философии Гегеля и собственно марксизму.

**** Так, среди приводимых в предисловии к 4 изданию курса приводятся позитивные отзывы на книгу, среди которых особенно отмечается тот (принадлежащий «т. Тарабанову»), в котором подчеркивается ее популярный характер (8, IV).

неподготовленного читателя и было моей первоочередной задачей» [8, IV]. Достаточно показательным и то, что значительная часть полемики Вольфсона с его критиками (содержащаяся в предисловиях к новым изданиям курса) касается именно историко-философских вопросов (например, интерпретация определенных положений из работ Аристотеля, Декарта, Гассенди и др.).

История философии в курсе лекций представлена как ряд длительных периодов (Античность, Средние века и т. д.), последовательно сменяющих друг друга. Основной движущей силой развития философских идей выступают противоречия между основными философскими позициями — идеализмом и материализмом (например, средневековый период характеризуется как «столетия старой антиматериалистической реакции» [6, с. 23]). При этом марксистское понимание философских вопросов представлено достаточно схематично, часто скорее дополняя общее описание и анализ.

В целом можно предположить, что, поскольку «канон» советской философии как учебного предмета находился в стадии формирования, это отражалось и на содержании и структуре курсов, которые являются достаточно неоднородными, сочетая элементы различных философских, идеологических и научных дискурсов*. В подобной ситуации вполне понятным и объяснимым оказывается стремление к опоре на некоторую уже имеющуюся философскую традицию. Подобной традицией для Вольфсона достаточно ожидаемо оказалась немецкая философская традиция, весьма значимая для марксистской философии в целом. Речь, однако, идет не только об использовании собственно философских работ, но также и об обращении к различным учебным университетским курсам, прежде всего — по истории философии (которая являлась основой немецкоязычного философского образования ([4], [5])).

Это хорошо прослеживается на примере списка рекомендованной литературы (прилагающегося к каждому разделу курса). В нем, кроме достаточно ожидаемых имен марксистских авторитетов (К. Маркс, Ф. Энгельс, В. Ленин, Г. Плеханов, А. Деборин и др.) большое внимание уделяется и работам по истории философии (К. Фишер, Ф. Ланге, А. Вебер, К. Форлендер и др.). При этом разделы по истории материализма (фактически — по истории философии) структурно достаточно близки «Истории материализма» Ф. Ланге [9] (наиболее известной и наиболее фундаментальной работе по этой теме). Достаточно символично

* Ситуация, как уже отмечалось, в определенном отношении сходная с постсоветской ситуацией 1990-х гг.

и то, что свой текст Вольфсон начинает с отсылки к работе Ланге.

Отметим, что история философии как система знания и составляющая учебных курсов играла весьма существенную роль в традиции немецкой университетской философии XIX—XX вв. Курсы по истории философии играли роль основания для философского образования как такового. В свою очередь, философия играла весьма существенную роль в немецком процессе образования как таковом, являясь его смысловой и содержательной основой. Важно отметить, что такое понимание образования не ограничивалось сугубо научными или утилитарными аспектами, но предполагало целостную мировоззренческую подготовку (нем. *Bildung* как образование и формирование личности [10]).

Таким образом, можно предположить, что на становление традиций советской философии в ее связи с образовательными практиками определенную роль оказала немецкая философия и, более конкретно, университетские курсы по истории философии. Отметим, что подобное обращение к немецкой философской традиции, и, прежде всего, к истории философии было достаточно очевидным в свете достаточно сложной и нетривиальной задачи создания целостного учебного курса по диалектическому материализму. Работа Вольфсона в этом отношении была во многом пионерской, а марксистская доктрина представляла из себя достаточно разнородную смесь различных дискурсов из различных областей знания и культуры (философии, политической идеологии, общественных наук, естествознания и т. д.). При этом сама доктрина не была стабильной, оказывалась подверженной изменениям в связи с социально-политической обстановкой. Для того чтобы представить эту доктрину в качестве достаточно компактного курса, доступного для широкой аудитории, требовалось некоторое основание, в качестве которого и выступила немецкая традиция университетской истории философии.

Обращение к этой традиции, повторимся, было вполне понятным в силу значимости немецкой мысли для русскоязычной философской традиции. Это, в свою очередь, позволяло решить сразу несколько задач методического и содержательного характера. Во-первых, обращение к истории философии встраивало марксистский дискурс в определенную философскую традицию и тем самым легитимировало его, демонстрируя его давние исторические корни и преемственность по отношению к более ранним философским направлениям (например, античный материализм или гегельянство). Во-вторых, обращение к истории

философии позволяло определенным образом структурировать материал курса (в соответствии с логикой исторического развития философии). Этим, в частности, можно объяснить предпочтительность исторического, а не проблемного изложения материала, что характерно для курса Вольфсона. Вероятно, исторический подход мог быть в некоторых отношениях более доступным и для студенческой аудитории. И, наконец, в-третьих, это способствовало некоторой «стабилизации» полемики марксистского дискурса (во многом развивавшегося в контексте полемики как внешнего — с представителями других идеологических и философских взглядов, так и внутреннего — между самими марксистами — характера) и позволяло адаптировать его положения для образовательных целей.

Подведем итоги. В работе было показано достаточно существенное влияние немецкой философской традиции на становление советского канона диалектического материализма. Это проявилось, в частности, в обращении к структуре и содержанию немецкой университетской философии, прежде всего, ее части, связанной с изучением истории философии. Подобное влияние прослеживается не только на уровне заимствования определенных установок, представлений, идей, терминов, но и в общей структуре философских курсов, понимании специфики философского знания, его научных и социальных функций и т. д. Обращение к этой традиции является достаточно закономерным и, в свою очередь, позволяло решить сразу несколько задач методического и содержательного характера.

Полученные результаты позволяют по-новому взглянуть на становление советской философской традиции, демонстрируя ее соотношение с традицией западной и одновременно проясняя некото-

рые существенные отличия между ними. Кроме того, результаты демонстрируют конкретные механизмы функционирования феноменов «трансфера знания» и «культурного трансфера» как для белорусской и советской культур, так и для культуры региона Восточной Европы в целом.

Список цитированных источников

1. Куренной, В. Заметки о некоторых проблемах современной отечественной истории философии / В. Куренной // Логос. — 2004. — № 3—4. — С. 3—29.
2. Немцев, М. Ю. Философия в СССР как тема и предмет истории философии / М. Ю. Немцев // Идеи и идеалы. — № 3(5), т. 2. — С. 5—17.
3. Плотников, В. Советская философия: институт и функция / В. Плотников // Логос. — 2001. — № 4. — С. 106—114.
4. Schneider, U. J. Philosophie und Universität. Historisierung der Vernunft im 19. Jahrhundert / U. J. Schneider. — Hamburg, 1999.
5. Шнайдер, У. И. Преподавание философии в немецких университетах в XIX веке / У. И. Шнайдер // Логос. — 2004. — № 3—4. — С. 61—90.
6. Вольфсон, С. Я. Диалектический материализм: курс лекций, читанных на факультете общественных наук БГУ: в 2 ч. / С. Я. Вольфсон. — 3-е изд. — Минск, 1923.
7. Каценбоген С. З. Марксистская социология: курс лекций, читанный в 1924—25 академическом году на педагогическом факультете БГУ проф. С. З. Каценбогеном: в 2 ч. / С. З. Каценбоген. — Минск, 1925.
8. Вольфсон, С. Я. Диалектический материализм: курс лекций, читанных на факультете общественных наук БГУ / С. Я. Вольфсон. — 4-е изд. — Минск, 1924. — 226 с.
9. Lange, F. A. Geschichte des Materialismus und Kritik seiner Bedeutung in der Gegenwart / F. A. Lange. — Leipzig, 1887. — 892 p.
10. Сапрыкин Д. Л. Значение и смысл понятия «образование» (на примере немецкой философии конца XVIII — начала XIX в.) / Д. Л. Сапрыкин // Вестн. МГУ. Сер. 7, Философия. — 2008. — № 1. — С. 19—42.

Дата поступления в редакцию: 23.02.2015 г.